RUDN Journal of Political Science. ISSN 2313-1438 (Print), ISSN 2313-1446 (Online) **2026 Vol. 28 No. 3 765–779**
Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: ПОЛИТОЛОГИЯ http://journals.rudn.ru/political-science

DOI: 10.22363/2313-1438-2026-28-3-765-779
EDN: HZBZPP

Научная статья / Research article

Научно-технологическая политика в современной России: институциональное наследие советской модернизации и долговременные траектории развития

Д.А. Талагаева

Московский государственный институт международных отношений МИД России, *Москва, Российская Федерация*

✉ d.talagaeva@mail.ru

Аннотация. Актуальность данного исследования обусловлена важностью разработки эффективной стратегии социально-экономического развития России в текущих условиях, необходимостью преодоления замедления модернизации и стремлением к технологическому прорыву. Российская научно-технологическая политика после 1992 г. рассматривается в статье как пространство переосмысления советского модернизационного опыта и долговременных институциональных наследий, влияющих на траекторию развития науки и технологий. Уже обращение к позднесоветскому периоду в качестве отправной точки исследования подчеркивает центральность категорий «политического наследия», «критических моментов» и «зависимости от пути», через которые автор показывает, как прошлые решения продолжают определять конфигурацию акторов, механизмов финансирования и управленческих практик. Устойчивые тенденции и нерешенные проблемы постсоветской научной политики предстают как результат обращения к советскому опыту: с одной стороны, наблюдаются попытки дистанцироваться от централизованной модели, с другой — сохраняется опора на символический ресурс «большой науки», оборонных приоритетов и представлений о науке как стратегическом ресурсе государства. Использование неоинституционализма и исторического институционализма позволяет показать, каким образом институциональные практики, статус ученого, логика «больших проектов» и конфигурация научных институтов формируются под воздействием длительно воспроизводимых представлений о прошлом и задают рамки для конструирования образов будущего научно-технологического развития России. В условиях быстро меняющегося глобального контекста понимание стратегий развития научного-технологического комплекса и выявление эффективного механизма управления наукой и инновациями может стать конкурентным преимуществом и помочь вывести страну на передовые позиции с точки зрения ее экономического и общественного благосостояния.

© Талагаева Д.А., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode

Ключевые слова: научно-технологическая политика, политический актор, инновации, неоинституционализм

Благодарности. Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда, грант № 24-78-10173.

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: *Талагаева Д.А.* Научно-технологическая политика в современной России: институциональное наследие советской модернизации и долговременные траектории развития // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2026. Т. 28. № 3. С. 765–779. https://doi.org/10.22363/2313-1438-2026-28-3-765-779 EDN: HZBZPP

Modern Russia's Science and Technology Policy: The Institutional Legacy of Soviet Modernization and Long-Term Development Trajectories

Daria A. Talagaeva

MGIMO University, *Moscow, The Russian Federation*

✉ d.talagaeva@mail.ru

Abstract. Drastic technological changes in the world require a change in approaches to the ways how research is organized, and technologies and innovations are managed, as they are to be transformed into the most important resource for the development of society thus ensuring the sovereignty of the country. The relevance of this research can be explained by the need to outline an effective strategy for Russia's socio-economic development in the current conditions, the urge to overcome the slowdown in modernization and the desire for a technological breakthrough. The main purpose of the study is to analyze the evolution of Russian science and technology policy in the period from 1992 to 2024, as well as to identify its key stages, achievements and problems. Methodologically the article is based on the theory of neo-institutionalism, whereupon at the beginning of the article the author provides the historical context of the development of scientific policy in the USSR, noting the key points of how the Soviet scientific and technological complex was organized. An analysis of the further development of Russian science and technology policy makes it possible not only to study the measures that the state is taking to support research activities, but also to make a number of assumptions about possible ways to solve existing problems in this area. In a rapidly changing global context, understanding science development strategies and effective governance can become a competitive advantage and help bring the country to the forefront in terms of its economic and social welfare.

Keywords: S&T policy, political actor, innovations, neoinstitutionalism

Acknowledgements. The article is funded by Russian Science Foundation. Project No. 24-78-10173.

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

For citation: Talagaeva, D.A. (2026). Modern Russia's science and technology policy: The institutional legacy of Soviet modernization and long-term development trajectories. *RUDN Journal of Political Science, 28*(3), 765–779. (In Russian). https://doi.org/10.22363/2313-1438-2026-28-3-765-779 EDN: HZBZPP

Введение

Российский научно-технологический комплекс прошел длинный путь развития, в ходе которого произошла серьезная институциональная перестройка всего сектора: от централизованной политики Советского правительства и концентрации ресурсов и полномочий в руках узкого круга людей до современной системы, в которой научное сообщество становится тесно связано с коммерческими и негосударственными структурами. Следует отметить, что в этой связи анализ имеющихся проблем в научно-технологическом комплексе новой России представляется целесообразным начинать именно с позднего Советского периода, чтобы понимать, что представляла собой научная система в годы, непосредственно предшествующие распаду СССР и сразу же после него, когда в стране происходили значительные изменения. Этот исторически важный этап охватывает не только политические, но в первую очередь экономические трансформации, оказавшие существенное влияние на развитие научных исследований и технологических инноваций в условиях перехода к рыночной экономике. Данные события во многом предопределили дальнейшую динамику развития научно-технологической политики в России, повлияв на формирующуюся повестку и процесс принятия решений. При этом советское научно-технологическое наследие не исчезло вместе с распадом СССР, а продолжало воспроизводиться в институциональных практиках, управленческих логиках и коллективных представлениях о роли науки в жизни государства и общества. Образы советской «большой науки» — с ее масштабными проектами, символами технологического могущества и особым статусом ученого — стали частью той исторической памяти, к которой постсоветское государство неоднократно обращалось для обоснования новых стратегий развития и легитимации научно-технологических приоритетов.

Методологическая основа

Для того чтобы понимать истоки нерешенных проблем и мотивацию, которая лежит в основе принимаемых в области научно-технологической политики мер и инициатив на разных этапах ее развития, методологически автор опирается на положения теории неоинституционализма, объясняющей, «как происходит взаимодействие институтов, интересов и идей в процессе формулирования и принятия национального курса научно-технологического развития в стране» [Peters 1999]. Неоинституционализм в качестве основы той или иной модели принятия управленческих решений и политического поведения теория выделяет институциональные процедуры. Вместе с тем, по утверждению Б. Питерса, «современный институциональный анализ изучает скорее реальное поведение, чем лишь формальные, структурные аспекты институтов» [Питерс 1999: 219]. Интересным для анализа тенденций развития и основных устойчивых проблем научной политики в России представляется исторический институционализм, который можно рассматривать как одно из трех основных направлений неоинституционализма. В основе исторической институциональной

теории лежит предположение о том, что акторы формируют свои стратегии поведения, опираясь на наследие прошлого. Считается, что учреждение институтов и принятие определенных политических решений является результатом сложных исторических процессов, о чем свидетельствуют такие характерные для институционализма понятия, как «политическое наследие», «критические моменты» и «зависимость о пути» [Thelen 1999]. Эти концепции исходят из того, что отклонения в политике и изменение институциональных механизмов является реакцией на исторические события. Между тем в то время как приверженцы институционализма рационального выбора считают более важной функциональную роль института (например, роль исследовательских советов в научной политике), представители школы исторического институционализма больше интересуются истоками института и событиями, которые обусловили его происхождение, рассматривая политические изменения через призму организационной структуры и государственных возможностей, таким образом полагая, что наличие определенных организаций и программ можно считать отправной точкой многих реформ.

Исходя из вышесказанного и применительно к тематике данного исследования, эволюцию российского научно-технологического комплекса можно рассматривать сквозь призму «предопределенности», что означает, что многие происходившие в нем за последние три десятилетия события были так или иначе обусловлены историческим опытом его функционирования в период существования СССР, а также рядом принятых в тот период решений. Находясь под влиянием институтов и путей развития, которым те следуют значительное время, «политические лидеры не в состоянии игнорировать заключенные ранее договоренности и взятые обязательства, существующую легитимную конфигурацию взаимоотношений, сформированную до них институциональную среду» [Ваславский, Габуев 2016: 64]. Принимая это во внимание, автор считает разумным обратиться к исторической ретроспективе для выявления ключевых моментов, характерных для развития научно-технологической политики еще до распада Советского союза в 1991 г.

Исторический контекст: научно-технологическая политика в СССР

Два краеугольных момента, которые характеризовали советскую науку, были ее масштаб и высокий уровень централизации. «Советский научно-технический потенциал входил в число крупнейших в мире, однако его структура существенно отличалась от аналогичных систем в других странах» [Дежина, Грэхем 2009: 27]. К сильным сторонам советского научно-технологического комплекса можно отнести значительную финансовую и идеологическую поддержку естественных наук со стороны государства, а также надежную образовательную систему, из которой многие талантливые выпускники направлялись в научно-исследовательские институты. В условиях существовавшей политической цензуры и централизованного

политического контроля, а также планово-командной экономики система могла эффективно сосредоточиваться на приоритетных для страны проектах, таких как создание ядерного оружия и освоение космоса. Однако очевидным недостатком можно считать разрыв между научными исследованиями и образовательным процессом, что стало следствием разделения функций различных институтов. Также наблюдались смещение приоритетов в сторону НИОКР в области оборонной промышленности и низкая производительность научной системы, особенно с учетом значительных финансовых вложений. Существовали проблемы с отсутствием подлинной экспертной оценки, а также политические ограничения, в частности секретность, репрессии и предвзятость по отношению к определенным этническим группам. Кроме того, некоторые области науки, такие как генетика, и вовсе подвергались ликвидации по идеологическим причинам. Коррупция на местах также была распространенной проблемой. Значимым фактором, определяющим развитие советской науки, была также ее «автономность» и вынужденная «изоляция» от мировой, так как политические лидеры СССР с самого начала его существования взяли курс на «мировую революцию» и противопоставляли страну всему миру, что не могло не отразиться на всех сферах общественной жизни и предопределило динамику на годы вперед.

В конце 1980-х — начале 1990-х гг. научно-технологическое отставание СССР от передовых стран Запада стало настолько явным, что даже партийное руководство не могло больше дистанцироваться от этой проблемы и было вынуждено начать кулуарные дискуссии о мерах поддержки научно-технического комплекса, которые были призваны сократить разрыв между СССР и передовыми странами в сфере производства технологий и инноваций.

Однако даже принятые после этого постановления «уже не могли переломить ситуацию, так как, во-первых, в тот период уровень научно-технического развития СССР уже не позволял в полной мере их реализовывать, а во-вторых, уже начался обвальный крах советской общественно-политической системы и в том числе и научно-технической сферы существования советского общества» [Кулик 2010].

На начало 1991 г., накануне распада Советского Союза, советские научные работники были организованы в три крупные структуры, нередко обозначаемые как «университетская система», «система академий наук» и «система министерств» [Дежина, Грэхем 2009]. Крупнейшей среди них была система министерств, где проводились в основном прикладные НИОКР. Большинство научных работников в «министерской» системе работали в централизованных институтах, расположенных в крупных городах [Дежина, Грэхем 2009]. После 1972 г. общее количество институтов оставалось относительно стабильным, но существующие продолжали укрупняться. Средний институт в 1991 г. насчитывал 270 научных работников, тогда как в крупнейших институтах их число достигало нескольких тысяч. Это также накладывало большое финансовое бремя на и без того перегруженную научную систему и слабо коррелировало с недостаточностью финансирования научно-технической сферы.

К началу 1980-х гг. потенциал экстенсивного роста советской научно-технической сферы по многим показателям был исчерпан. Для изменения ситуации требовались кардинальные реформы, связанные с реструктуризацией и интенсификацией научной деятельности, изменением порядка взаимодействия науки с производителями, сменой стратегических ориентиров, развитием новых областей научного знания, дальнейшей демократизацией общества и отказом от партийного руководства научно-технической сферой. Однако «проведение назревших преобразований в решающей степени сдерживалось кризисными явлениями в сфере государственного управления, деградацией политической, хозяйственной и научной бюрократии, снижением ее качества, развитием клановости и формализма» [Кулик 2010]. В целом советская наука все больше отставала от мировой и в частности американской, погружаясь в глубокий всеобъемлющий кризис.

Тенденции и проблемы в научно-технологической политики (1992–2024)

Состояние российской науки в 1990–2000-е гг.

Непростая ситуация, существовавшая в науке в период перед распадом СССР, обусловила медленный процесс обновления производственного оборудования, продолжение использования устаревших технологий и неэффективное расходование ресурсов, что, в свою очередь, усугубило диспропорции в экономике. В так называемый переходный период с 1992 г. эти негативные тенденции усилились. Спрос на научно-техническую продукцию резко упал, что привело к катастрофическому сокращению заказов и создало сложные условия для оборонной науки. Увеличился отток ученых и специалистов из научно-исследовательских институтов и конструкторских бюро. «Социальный статус ученых продолжал снижаться, престиж науки падал, а либерализация цен привела к резкому увеличению материальных затрат и накладных расходов на научные исследования и разработки в 10–15 раз» [Бодрова, Калинов 2019: 152].

Таким образом, в России начальный этап рыночных реформ на заре 1990-х гг. проходил в условиях системного социально-экономического кризиса, охватившего все сферы деятельности. Развитие науки в этот период определялось радикальным сокращением масштабов (прежде всего численности персонала и объемов финансирования) и появлением целого ряда структурных деформаций, устойчивость и негативные эффекты которых проявились в последующие годы. На фоне перехода от плановой экономики к рыночной многие исследовательские институты оказались в ситуации нехватки ресурсов, что негативно сказалось на их материально-технической базе и качестве проводимых исследований. Российская наука столкнулась с резким сокращением государственного финансирования, что привело к критическому упадку научных учреждений и массовой утрате квалифицированных кадров.

На фоне этих трудностей второй этап, охватывающий 1992–1994 гг., можно охарактеризовать как период «рыночного романтизма». В это время появилась надежда на то, что научные учреждения смогут быстро адаптироваться

к новым рыночным условиям и привлечь необходимые инвестиции. В качестве экстренных мер в попытке сохранения научно-технического потенциала России в 1992–1993 гг. высказывались предложения о необходимости полностью пересмотреть организационную структуру и механизмы работы науки. Они подразумевали переход от ведомственной закрытой сферы НИОКР к модели, которая бы объединяла лучшие традиции российских научных школ с эффективным механизмом конкуренции в условиях рыночной экономики. Вместе с тем реальность оказалась более сложной: сокращение объемов финансирования науки продолжалось, а управление научной деятельностью стало еще более запутанным и менее эффективным. Многие ученые начали искать альтернативные источники финансирования, что способствовало увеличению числа совместных проектов с зарубежными партнерами, однако отсутствие четкой государственной политики и координации действий между различными министерствами и ведомствами не позволяло достичь значительных результатов.

Вторая половина 1990-х гг. в российской науке характеризовалась преимущественно стагнацией: финансирование науки достигло исторического минимума, а интеграция науки с образованием и реальным сектором экономики оставалась недостаточной. Представители научного сообщества осознавали необходимость поиска новых подходов к финансированию и управления, но реальных шагов со стороны руководства в этом направлении было сделано недостаточно.

Важным фактором развития науки в России с 2000 по 2007 г. стало принятие ряда стратегических решений, которые определили основные направления развития науки на среднесрочный период. Основные цели политики сместились в сторону усиления инновационной деятельности и обеспечения стабильного экономического роста. В это время благоприятная конъюнктура мировых рынков, особенно рост цен на нефть, а также макроэкономическая и политическая стабильность создали условия для разработки и реализации комплекса мероприятий, направленных на реформирование инновационной сферы, поддержку высоких технологий и решение актуальных проблем. Конечной целью этих усилий стали масштабная модернизация промышленности, повышение ее конкурентоспособности, улучшение благосостояния населения и обеспечение национальной безопасности.

С 2006 г. основным документом в области научной политики стала Стратегия развития науки и инноваций в Российской Федерации до 2015 г.[1]. Ее разработка и принятие показали, что работа Правительства РФ постепенно начала сосредоточиваться на создании специализированных подходов и механизмов государственной политики в разных областях, становясь более комплексной и последовательной, а также демонстрируя опыт координации различных программных документов.

[1] Стратегия развития науки и инноваций в Российской Федерации до 2015 г. URL: https://docs.cntd.ru/document/902367266 (дата обращения: 13.02.2025).

Тем не менее, хотя и произошло увеличение бюджетных ассигнований, их доля в ВВП оставалась значительно ниже, чем в развитых странах, что ограничивало развитие частного сектора науки и технологий. Несмотря на позитивную динамику основных макроэкономических показателей и заметный рост масштабов государственной поддержки в 2000-х гг., каких-либо ощутимых позитивных сдвигов в состоянии и результативности отечественной науки не произошло, что подтверждают уровень и тенденции большинства ее показателей. Косвенным свидетельством неблагополучия отечественной науки могут служить данные опросов взрослого населения России, регулярно проводимых Государственным университетом — Высшей школой экономики. Так, согласно опросу 2006 г., «45 % ее граждан не желают видеть научными работниками своих детей (позитивный ответ дали 36 % опрошенных), в то время как еще в 1995 г. их доля составляла 31 %. Аналогичные опросы в США фиксируют только 2 % негативных ответов» [Шувалова 2007: 43].

Совокупный анализ документов государственной научной политики России, появившихся в период с 2000 по 2007 г., демонстрирует, что формулировки общих принципов и положений учитывали и интегрировали опыт стран, традиционно являющихся лидерами в сфере мирового научно-технологического развития. Однако позитивные последствия и результаты реализации этих документов оставались в лучшем случае незначительными. Это можно объяснить как неполной адаптацией заимствованного опыта к специфическим историческим условиям России и недостаточной эффективностью форм его применения в отечественной практике, так и несоответствием масштабов и сложности задач имеющимся ресурсам для их решения.

Мировой кризис 2008–2009 гг. выявил слабые места в реализации научной политики, подчеркнув отсутствие координации между различными министерствами и ведомствами. В результате стало очевидным, что для обеспечения долгосрочного развития науки и технологий в России необходим комплексный подход к поддержке научной деятельности. Этот период стал важным уроком, указывающим на необходимость дальнейших изменений и улучшений в государственной научной политике, чтобы создать устойчивую и эффективную систему, способную справиться с вызовами современности и обеспечить интеграцию науки в экономику страны. Таким образом, несмотря на проведенные реформы и определенные успехи, «российская наука продолжала сталкиваться с серьезными вызовами, требующими комплексного и стратегического подхода к развитию» [Коннов 2012: 245]. Во многом это объясняется тем, что институциональные реформы в науке проводились в тот период точечно, в «пожарном порядке» — с целью предотвращения ее полного разрушения и распада, но они не имели комплексного характера. Правда, и в последующие годы возможности государства по улучшению состояния этой сферы и ее модернизации не были использованы полностью.

Инновационная политика в России после 2010 г.

С учетом глобальных тенденций и благоприятной на начало 2010-х гг. геополитической обстановки Россия наращивала сотрудничество с международными научными организациями и исследовательскими центрами, что в том числе позволило российским ученым участвовать в международных проектах, таких как «Горизонт 2020», и получать доступ к международному финансированию и передовым технологиям. Российские ученые активно интегрировались в мировое научное сообщество и имели возможность обмена опытом с зарубежными коллегами, что, в свою очередь, обогащало российскую науку новыми идеями и подходами.

С принятием в 2017 г. концепции «Цифровая экономика»[2], которая акцентировала внимание на развитии информационных технологий и цифровизации всех секторов экономики, начался рост числа стартапов и инновационных компаний, особенно в области IT, где молодые предприниматели и ученые могли разрабатывать и внедрять новые технологии, способствующие повышению конкурентоспособности отечественной экономики на международной арене.

Тем не менее, несмотря на достигнутые успехи в этой области, в середине 2010-х гг. российская наука столкнулась с рядом серьезных вызовов, таких как утечка мозгов, отсутствие достаточного финансирования со стороны частного сектора и проблемы с коммерциализацией научных разработок, что негативно сказалось на способности страны удерживать и привлекать талантливых ученых и исследователей, а также на развитии инновационной экономики в целом.

В 2020 г. пандемия COVID-19 серьезно повлияла на научную политику, ускорив пересмотр программ и бюджетных ассигнований, а также введение новых нормативных изменений. В 2021 г. произошли институциональные изменения, включая создание новых коллегиальных органов для управления научной деятельностью, таких как Комиссия по научно-технологическому развитию при Правительстве РФ. Несмотря на эти изменения, уровень внутренних затрат на научные исследования и разработки продолжает снижаться, что связано с уменьшением партнерств с научными организациями и ограничениями в международном сотрудничестве в силу введенных после 2022 г. в условиях современных геополитических реалий санкций. Расходы на науку в ВВП опустились в 2022 г. до «беспрецедентно низкой отметки в 0,94 %, что стало падением даже по сравнению с низкими показателями 2021 г. (0,96 % ВВП)»[3]. Это примерно соответствует уровню 1998 г. (0,95 %), когда в стране был серьезный экономический кризис. «Основным источником финансирования остается государственный бюджет, а реформирование научных фондов привело лишь к частичному к перераспределению финансовых потоков» [Блинов, Коннов 2017: 8]. Структура расходов по источникам финансирования

[2] Национальная программа «Цифровая экономика». URL: https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858/ (дата обращения: 03.02.2025).

[3] Российская экономика в 20022 г.: тенденции и перспективы. Вып. 44. URL: chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/URL:https://www.iep.ru/files/text/trends/2022/book.pdf (дата обращения: 12.02.2026).

практически не изменилась. Более 2/3 внутренних затрат на НИОКР (67,3 %) финансировались за счет средств государства, на долю предпринимательского сектора пришлось 28,9 %, что стало снижением по сравнению с предыдущим годом. На 2024 г. запланированы ассигнования ниже уровня 2023 г., а в 2025 г. может произойти резкое сокращение финансирования. Максимум ассигнований на НИОКР по государственной программе «Научно-технологическое развитие Российской Федерации»[4], где аккумулированы бюджетные расходы на гражданскую науку, запланирован на 2024 г., но это на 1,4 % меньше уровня 2023 г., а с учетом инфляции финансирование НИОКР сокращается еще существеннее.

Современное состояние науки и национальной инновационной системы России во многом обусловлено непоследовательностью и противоречивостью политики в этой области. Но верно и то, что их состояние задает не только определенные требования к выбору направлений и инструментов государственного регулирования, но также барьеры и ограничения для их реализации. Более того, содержание и результаты усилий, предпринимаемых государством с целью формирования эффективного научного комплекса и современной национальной инновационной системы, зависят от целого ряда внешних по отношению к ним факторов, среди которых можно выделить нормы действующего законодательства и его качество (полнота, отсутствие внутренних противоречий, однозначность трактовки действующих норм и др.); особенности правоприменительной практики и системы государственного управления и т.д.

Технологическая политика 2020-х гг.: вызовы в контексте СВО

С точки зрения исторического институционализма события 2022 г. можно рассматривать как очередной «критический момент» в развитии российской научно-технологической политики, сопоставимый по своим последствиям с трансформациями начала 1990-х гг. Начало специальной военной операции и последовавшее за ним беспрецедентное по масштабу санкционное давление привели к сужению пространства международного научно-технического сотрудничества: было приостановлено участие российских организаций в рамочной программе Европейского союза «Горизонт Европа», заморожены многие двусторонние проекты с научными центрами западных стран, ограничен доступ к зарубежному исследовательскому оборудованию, комплектующим, программному обеспечению и подписным информационным ресурсам. Экспортный контроль в отношении технологий двойного назначения фактически отрезал значительную часть отечественной высокотехнологичной промышленности от привычных производственных цепочек, вследствие чего уязвимость сложившейся за постсоветские десятилетия модели «встраивания» в глобальные технологические рынки стала более очевидной.

[4] Государственная программа «Научно-технологическое развитие РФ». URL: http://government.ru/docs/all/121449/ (дата обращения: 25.02.2026).

Эффекты этих ограничений для научного сообщества оказались весьма ощутимыми. По данным опроса высокопродуктивных российских ученых, проведенного в 2023 г., почти три четверти респондентов столкнулись с ограничениями доступа к материально-технической базе и информационным ресурсам, а более половины — с разрывом тех или иных форм международной кооперации, причем среди молодых исследователей доля отметивших подобные проблемы была еще выше [Дежина, Нефедова 2023]. Усилился и отток квалифицированных специалистов, прежде всего в области информационных технологий и инженерных наук, что наложилось на хронические кадровые проблемы отрасли, о которых говорилось выше. Вместе с тем нельзя не отметить и определенную адаптивность системы: научные организации переориентировались на закупки оборудования и материалов через дружественные юрисдикции, а вектор международного сотрудничества сместился в сторону Китая, Индии, государств БРИКС и ШОС.

Ответом государства на новые вызовы стала существенная перестройка концептуальных основ научно-технологической политики, центральной категорией которой выступал «технологический суверенитет» — понятие, вошедшее в официальный дискурс и научный оборот именно после 2022 г. и трактуемое как наличие под национальным контролем критических и сквозных технологий и способность страны самостоятельно обеспечивать их воспроизводство [Афанасьев 2022]. Программным документом в этом отношении стала утвержденная в мае 2023 г. Концепция технологического развития на период до 2030 г.[5], впервые систематизировавшая инструменты достижения технологического суверенитета, включая проекты полного инновационного цикла, поддержку малых технологических компаний и принцип «права на риск». В феврале 2024 г. была принята обновленная Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации[6], в которой санкционное давление прямо отнесено к числу «больших вызовов», а науке отведена роль ключевого инструмента обеспечения независимости и конкурентоспособности страны.

Логическим продолжением этой линии стал майский указ 2024 г. о национальных целях развития[7], закрепивший «технологическое лидерство» в качестве самостоятельной национальной цели и установивший ориентир увеличения внутренних затрат на исследования и разработки не менее чем до 2 % ВВП к 2030 г., в том числе за счет двукратного роста инвестиций со стороны частного бизнеса. С 2025 г. запущены национальные проекты по обеспечению

[5] Концепция технологического развития на период до 2030 г. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 20 мая 2023 г. № 1315-р. URL: https://base.garant.ru/406931204/ (дата обращения: 18.02.2026).

[6] Указ Президента Российской Федерации от 28 февраля 2024 г. № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации». URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/50358 (дата обращения: 20.02.2026).

[7] Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 г. и на перспективу до 2036 г.». URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202405070015 (дата обращения: 20.02.2026).

технологического лидерства — в области производства и автоматизации, новых материалов и химии, беспилотных авиационных систем, новых атомных и энергетических технологий и ряда других направлений. Наконец, принятый в декабре 2024 г. федеральный закон «О технологической политике в Российской Федерации»[8] впервые вывел регулирование этой сферы на законодательный уровень, закрепив понятийный аппарат, полномочия органов публичной власти и инструменты реализации технологической политики. Таким образом, за сравнительно короткий срок был сформирован целостный нормативный контур.

Сквозь призму используемого в настоящей статье методологического подхода в происходящих изменениях отчетливо прослеживается воспроизводство институционального наследия советской модернизации: мобилизационная логика, приоритет оборонных и «критических» направлений, опора на крупные государственные проекты и усиление координирующей роли государства во многом повторяют матрицу, описанную в первой части работы. Показательно и возвращение мотива «автономности» отечественной науки, исторически сопровождавшего периоды конфронтации с Западом. Тем не менее было бы упрощением сводить текущий этап к простому повторению советского опыта: в отличие от плановой экономики нынешняя модель предполагает участие частного бизнеса, конкурсные механизмы поддержки и ориентацию на коммерциализацию разработок. Ключевая развилка ближайших лет состоит в том, удастся ли совместить курс на технологический суверенитет с сохранением включенности российской науки в мировое научное пространство, пусть и в изменившейся географической конфигурации.

Заключение

Проведенный анализ динамики российской научно-технологической политики с 1992 г. позволяет проследить последовательную эволюцию от антикризисной адаптации переходного периода к формированию зрелой, целостной государственной политики, в которой наука и технологии рассматриваются как стратегический ресурс национального развития и обеспечения суверенитета страны. Обращение к концепциям исторического институционализма показывает, что советское наследие выступает в этом процессе не столько ограничителем, сколько ресурсом: сохраненные научные школы, традиция реализации масштабных проектов, представление о науке как о деле государственной важности и высокий символический статус ученого оказались востребованы на каждом новом витке развития. «Критические моменты» — будь то трансформации начала 1990-х гг. или геополитический перелом 2022 г. — всякий раз становились импульсом институционального

[8] Федеральный закон от 28 декабря 2024 г. № 523-ФЗ «О технологической политике в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202412280025 (дата обращения: 21.02.2026).

обновления: система демонстрировала способность к адаптации, консолидации ресурсов и выработке ответов, соразмерных масштабу вызовов. Особенно показателен в этом отношении текущий этап, когда в сжатые сроки был сформирован целостный нормативный и институциональный контур технологической политики — от Концепции технологического развития на период до 2030 г. и обновленной Стратегии научно-технологического развития до федерального закона о технологической политике и национальных проектов по обеспечению технологического лидерства, а достижение технологического суверенитета и технологического лидерства закреплено в числе национальных целей развития страны.

Таким образом, российская научно-технологическая политика вступила в качественно новый этап, отличительными чертами которого являются стратегическая определенность целеполагания, координация усилий государства, науки и бизнеса и опора на собственные линии разработки критических и сквозных технологий. Продуктивное переосмысление советского модернизационного опыта — осознанный выбор тех элементов институциональной традиции, которые способны служить опорой для современных стратегий развития, сочетается сегодня с новыми инструментами: конкурсными механизмами поддержки, развитием университетского технологического предпринимательства, вовлечением молодых исследователей, чему способствует в том числе проводимое в стране Десятилетие науки и технологий. Расширение научно-технологического сотрудничества с государствами БРИКС, ШОС и другими дружественными странами открывает перед российской наукой новые партнерства и рынки, а закрепленный на высшем уровне ориентир увеличения внутренних затрат на исследования и разработки до 2 % ВВП формирует долгосрочные ресурсные основания заявленных целей. Дальнейшее наращивание кадрового потенциала, углубление интеграции науки, образования и производства и повышение престижа ученого выступают ключевыми задачами, последовательное решение которых позволит России закрепить за собой позиции одного из мировых лидеров в приоритетных научно-технологических направлениях.

Поступила в редакцию / Received: 15.09.2025
Доработана после рецензирования / Revised: 11.06.2026
Принята к публикации / Accepted: 15.06.2026

Библиографический список

Афанасьев А.А. «Технологический суверенитет» как научная категория в системе современного знания // Экономика, предпринимательство и право. 2022. Т. 12. № 9. С. 2377–2394. https://doi.org/10.18334/epp.12.9.116243 EDN: KEKJUR

Блинов А.Н., Коннов В.И. Национальные научные фонды и финансирование фундаментальной науки // Мировая экономика и международные отношения. 2017. Т. 61. № 6. С. 5–13. https://doi.org/10.20542/0131-2227-2017-61-6-5-13 EDN: YRXEMJ

Бодрова Е.В., Калинов В.В. Эволюция концептуальных основ научно-технической политики РФ в условиях становления новой государственности (1992–1993 гг.) // История: факты и символы. 2019. № 1 (18). С. 151–164. https://doi.org/10.24888/2410-4205-2019-18-1-151-164 EDN: YZMHJB

Ваславский Я., Габуев С.В. Неоинституциональный подход как методологическая основа исследования электронного правительства // Вестник МГИМО-Университета. 2016. № 6 (51). С. 60–75. EDN: YGCPJN

Дежина И.Г. Российская наука и новые планы ее развития // Инновации. 2018. № 12 (242). С. 3–10. EDN: JMBTIY

Дежина И.Г., Грэхем Л. Наука в новой России: кризис, помощь, реформы : монография. Ростов н/Д : Изд-во ЮФУ, 2009. 240 с. ISBN: 978-5-9275-0577-7 EDN: QOLEGD

Дежина И.Г., Нефедова А.И. Оценки влияния санкций на работу высокопродуктивных российских ученых // Социологические исследования. 2023. № 12. С. 19–31. https://doi.org/10.31857/S013216250029334-0

Коннов В.И. Влияние культурного контекста на развитие науки в России: социально-психологический взгляд // Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 6 (27). С. 242–249. https://doi.org/10.24833/2071-8160-2012-6-27-242-249 EDN: PYJLIR

Кулик В.А. Государственная научно-техническая политика СССР в 1980–1991 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук, 2010. EDN: QESMNL

Питерс Б. Политические институты: вчера и сегодня // Политическая наука: новые направления / под ред. Р. Гудина, Х.-Д. Клингеманна ; пер. с англ. М. Гурвица, А. Демчук, Т.В. Якушева. Москва : Вече, 1999. С. 218–234.

Шувалова О.Р. Наука глазами россиян // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». 2007. Т. 1. № 1. С. 38–43. EDN: NQTVTB

Benner M. Big Science in a Small Country: Constraints and Possibilities of Research Policy // In Pursuit of a Promise: Perspectives on the Political Process to Establish the European Spallation Source (ESS) in Lund, Sweden. O. Hallonsten (ed.). Lund: Arkiv förlag, 2012. P. 159–172.

Campbell J.L. Ideas, Politics and Public Policy // Annual Review of Sociology. 2002. Vol. 28. No. 1. P. 21–38. https://doi.org/10.1146/annurev.soc.28.110601.141111cir.nii.ac+1

Goldstein J., Keohane R.O. Ideas and Foreign Policy: An Analytical Framework // Ideas and Foreign Policy: Beliefs, Institutions and Political Change / J. Goldstein, R.O. Keohane (eds.). Ithaca, NY : Cornell University Press, 1993. P. 3–30.

Peters B.G. Institutional Theory in Political Science: The New Institutionalism. London; New York : Pinter, 1999. 183 p.

Thelen K. Historical Institutionalism in Comparative Politics // Annual Review of Political Science. 1999. Vol. 2. P. 369–404. https://doi.org/10.1146/annurev.polisci.2.1.369

References

Afanasyev, A.A. (2022). “Technological sovereignty” as a scientific category in the system of modern knowledge. *Journal of Economics, Entrepreneurship and Law*, *12*(9), 2377–2394. (In Russian) https://doi.org/10.18334/epp.12.9.116243 EDN: KEKJUR

Benner, M. (2012). Big science in a small country: Constraints and possibilities of research policy. In O. Hallosten (Ed.), *In pursuit of a promise: Perspectives on the political process to establish the European Spallation Source (ESS) in Lund, Sweden* (pp. 159–172). Lund, Sweden: Arkiv forlag.

Blinov, A.N., & Konnov, V.I. (2017). National science foundations and the financing of fundamental science. *World Economy and International Organizations*, *61*(6), 5–13. (In Russian). https://doi.org/10.20542/0131-2227-2017-61-6-5-13 EDN: YRXEMJ

Bodrova, E.V., & Kalinov, V.V. (2019). The evolution of conceptual bases for Russia's S&T policy amid the emergence of the new statehood (1992–1993). *History: Facts and Symbols*, *1*(18), 151–164. (In Russian). https://doi.org/10.24888/2410-4205-2019-18-1-151-164 EDN: YZMHJB

Campbell, J.L. (2002). Ideas, politics and public policy. *Annual Review of Sociology*, *28*(1), 21–38.

Dezhina, I.G. (2018). Russian science and new plans of its development. *Innovations*, *12*(242), 3–10. (In Russian). EDN: JMBTIY

Dezhina, I.G., & Graham, L. (2009). *Science in new Russia: Crisis, help, reforms*. Rostov-on-Don, Russia: Southern Federal University. (In Russian). ISBN: 978-5-9275-0577-7 EDN: QOLEGD

Dezhina, I.G., & Nefedova, A.I. (2023). Assessing the impact of sanctions on the work of highly productive Russian scientists. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, (12), 19–31. (In Russian). https://doi.org/10.31857/S013216250029334-0

Goldstein, J., & Keohane, R. (1993). Ideas and foreign policy: An analytical framework. In J. Goldstein & R. Keohane (Eds.), *Ideas and foreign policy: Beliefs, institutions and political change* (pp. 173–206). Ithaca, NY: Cornell University Press.

Konnov, V.I. (2012). The influence of the cultural context on the development of science in Russia: Socio-psychological perspective. *MGIMO-University Journal*, *6*(27), 242–249. (In Russian). https://doi.org/10.24833/2071-8160-2012-6-27-242-249 EDN: PYJLIR

Kulik, V.A. (2010). *State S&T policy in the USSR in 1980–1991* (Doctoral dissertation). (In Russian). EDN: QESMNL

Peters, B.G. (1999). Political institutions: Yesterday and today. In R. Gudin & H.D. Klingemann (Eds.), *Political science: New directions* (pp. 218–234). Moscow, Russia: Veche.

Peters, B.G. (1999). *Institutional theory in political science: The new institutionalism*. London, England; New York, NY: Pinter.

Shuvalova, O.R. (2007). Science as seen by Russians. *Journal of Higher School of Economics*, *1*(1), 38–43. (In Russian). EDN: NQTVTB

Thelen, K. (1999). Historical institutionalism in comparative politics. *Annual Review of Political Science*, *2*(3), 369–404.

Vaslavskyi, Ya., & Gabuev, S.V. (2016). Neoinstitutional approach as the methodological basis to research e-government. *MGIMO-University Journal*, *6*(51), 60–75. (In Russian). EDN: YGCPJN

Сведения об авторе:

Талагаева Дарья Александровна — доктор политических наук, доцент кафедры английского языка № 6, МГИМО МИД России (e-mail: d.talagaeva@mail.ru) (ORCID: 0000-0001-7959-0741, SPIN-код: 9335-2356, AuthorID: 810473, Scopus ID: 57200398587).

About the author:

Daria A. Talagaeva — Doctor of Political Science, Associate Professor at English Language Department 6, MGIMO University (e-mail: d.talagaeva@mail.ru) (ORCID: 0000-0001-7959-0741, SPIN-code: 9335-2356, AuthorID: 810473, Scopus ID: 57200398587).